

Н.В. ДРАННИКОВА,
Ю.А. НОВИКОВ

ПИНЕГА ПРОДОЛЖАЕТ УДИВЛЯТЬ ФОЛЬКЛОРИСТОВ (новые записи былин)

Начиная с XIX в. Европейский Север привлекал к себе пристальное внимание ученых, занимающихся народной культурой. Феномен Русского Севера стал объектом научных исследований представителей различных дисциплин, пытавшихся разгадать его тайну. В XIX — начале XX в. здесь были сделаны крупнейшие фольклорные открытия, Архангельская и Олонецкая губернии дали миру почти все известные сюжеты былин. В 1859—1860-е гг. П.Н. Рыбников совершил настоящий научный подвиг — находясь в положении ссыльного, обнаружил богатейшую эпическую традицию, принесшую Олонецкой губернии славу «Исландии русского эпоса». Еще более результативной оказалась летняя поездка 1871 г., предпринятая А.Ф. Гильфердингом. За три месяца он записал более 300 эпических песен от 70 с лишним сказителей. Часть узелов, обследованных обоими собирателями, позднее вошла в состав Архангельской области.

На рубеже XIX—XX вв. на фольклорной карте России появились новые былинные очаги — бассейны Печоры, Мезени, Кулоя, Пинеги, Восточное и Западное Поморье. Их открыли молодые ученые, выпускники Московского государственного университета А.В. Марков и А.Д. Григорьев, а также Н.Е. Ончуков, собиратель, не имевший специального образования. Фольклорные экспедиции в эти края продолжались на протяжении многих десятилетий и обогатили отечественную науку ценнейшими материалами. Однако эпические песни удавалось записывать всё реже, и в последней трети прошлого века ученые констатировали окончательное затухание былинной традиции. К счастью, как уже не раз бывало в прошлом, этот диагноз оказался преждевременным. В самом конце XX — в начале XXI в. в разных регионах Архангельской губернии удалось записать четыре былины (*старины*), две из них — в песенно-стихотворной форме. Им и посвящена данная публикация.

Старина об Илье Муромце и разбойника всегда пользовалась в Пинежском крае особой популярностью. Только в сборнике А.Д. Григорьева опубликовано 8 вариантов, еще от двух сказителей собиратель не стал ее записывать [1. С. 510, 578]. Многие исполнители осознавали ее как песню, нередко пели хором [1. С. 463, 471], что обусловило высокую стабильность словесных текстов. Публикуемый текст записан в 2005 г. от профессионального работника культуры, художественного руководителя северодвинского детского фольклорного ансамбля «Маковки» Екатерины Евгеньевны Зориной (Прил., № 1). Она родилась и выросла в с. Карпогоры, где и усвоила былинку от жительницы соседней деревни Церкова Вассы Алексеевны Кузнецовой, 1901 г.р. Бытование этого сюжета в женской среде необычно для пинежской традиции; в 1900—1927 гг. все тексты, кроме одного, были записаны от мужчин. Встречу Е.Е. Зориной с В.А. Кузнецовой нельзя назвать случайностью. Дочь Кузнецовой — Манефа Максимовна Кузнецова — была участницей Карпогорского народного хора, которым в то время руководила Зорина, проводившая большую работу по собиранию пинежских народных песен. С этой целью она и выехала в Церкову в 1985 г. Сказительница воспринимала былинку как песню и во время ее исполнения мыла посуду. По ее словам, это была любимая песня ее отца: «Таты песня. Он гнул сани и пел это, корзины плёл и всё пел». Через полгода после записи былины В.А. Кузнецова умерла.

Вариант Зориной содержит практически все типовые формулы, свойственные местной редакции сюжета (упоминание города Киева; стереотипные описания дороги, чудесных пуговиц на шубе героя; характеристика необыкновенных способностей богатырского коня — «уводил он от стрелки калёное, уносил он от пули свинцовое...»). Оригинальные детали и лексические обороты также роднят его с отдельными записями почти столетней давности. Разбойники «хотят старого ограбить, полишить хотят свету белого, укоротать хотят веку долгого» (ср. [1. № 155; 2. № 208]). Богатырь говорит, что самую ценную пуговку «подарить можно не вдовушке <...> не молодухке; подарить можно красной девушке» [ср. 2. № 216]. Отступлений от устоявшихся стандартов в публикуемом тексте немного. В начале повествования пропущено указание на ширину дороги: «три косые сажени печатные». Главный герой однажды назван по имени; обычно пинежские сказители использовали формулу «стар матёр человек» (или просто «старой»), хотя иногда упоминали *Муром/Муров*, родной город богатыря [1. № 153, 158 и др.]. В большинстве вариантов Илья лишь устрашает разбойников, пуская стрелу в дуб; в тексте Е. Зориной он их истребляет [ср. 1. № 161, 162, 208], причем *станциички* осознаются как «силушка богатырская и татарская». При пении исполнительница дважды повторяла большинство стихов; такую же манеру сказывания А.Д. Григорьев отметил у М. Амосова из д. Красное, расположенной, как и Церкова, примерно в 15 км от Карпогор.

Былина «Алеша Попович и сестра братьев Сбродовичей-Петровичей» на Пинеге традиционно входила в репертуар женшин-сказительниц; из 12 опубликованных в сборнике А.Д. Григорьева вариантов лишь один был записан от мужчины. Возможно, этим объясняется тяготение большинства текстов к балладному канону (динамичное развитие действия, обилие диалогов, драматизм повествования). Вариант, записанный в 2002 г. от А.Н. Няниковой, 1914 г.р. (Прил., № 2), композиционно и стилистически примыкает к пинежской модификации сюжета. Он менее эпичен, чем тексты из Зимней Золотицы; в нем не упоминаются город Киев и правящий там князь Владимир; нет обычных для Зимнего берега упреков героини своим братьям, которые осуждают ее за любовную связь с Алешей Поповичем и закрывают глаза на супружескую неверность своих жен. Поэтому не исключено, что исполнительница усвоила былинку не у себя на родине (Часовенский сельсовет Приморского района — примерно в 100 км к югу от Зимней Золотицы), а на Пинеге (текст записан в д. Усть-Пинега Холмогорского р-на). Во время записи исполнительница пела былинку, что свидетельствует о подлинности исполняемого ею текста¹.

Первые строки публикуемого варианта — механический перенос из *старины* «Сорок калик со каликою», популярной в северо-восточных районах Архангельской губернии. В традиционной части сюжета певица использовала оригинальные детали, отсутствующие в других записях этой былины. Алеша Попович утверждает, что видел сестру братьев Петровичей «на босой ноге, да без чобота богатого» (обычно он похвастается, что видел ее «в одной-то рубашечки, без поеса, в одних-то цулоцках, без башмачиков»). В других вариантах не упоминается, что приезд Алеши к месту казни Настасьи сопровождается колокольным звоном. Видимо, это индивидуальная новация А. Няниковой или ее учителя. Слова *гомуля* (*снега белого*) мы не обнаружили в словарях русских народных говоров. Возможно, оно связано со словом *комылька*, встре-

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА, доктор филол. наук; Поморский гос. ун-т (Архангельск); Юрий Александрович Новиков, доктор филол. наук; Вильнюсский пед. ун-т (Литва)

чающимся в одном из пинежских вариантов данной былины [1. № 104]; А.А. Горелов истолковал его как *комок* снега [1. С. 694]. Эта параллель лишней раз свидетельствует в пользу пинежского происхождения комментируемого текста.

Самые большие по объему былины об Илье Муромце и Ставре Годиновиче записаны в 1989—1990 гг. в д. Сульца Пинежского р-на от Анастасии Петровны Порохиной, 1896 г.р. Они напечатаны Л.В. Федоровой в ежегоднике «Русский фольклор» [4]; в публикации второго текста есть незначительные расхождения с белой рукописью². Вторично перепечатывать их не имеет особого смысла. В контаминированной быльне об Илье Муромце нет никаких примет местной эпической традиции. *Идолище-богатырь*, *поганое чудище* выступает в роли предводителя вражеского войска в сюжете, по содержанию близком к быльне «Илья Муромец, Самсон и Калин-царь» (в северо-восточных регионах эта модификация сюжета встречается крайне редко); поверженный противником Илья, подобно Антею, получает силу от *земли русской*. В тексте доминируют витиеватые словесные обороты, чуждые и разговорной речи северян, и былинному лексикону («на сбруе камни яхотны освещают дорожку, как фонарики»; «над зарей облака закудрявились»; «не слышно молву человеческого, не слышно ни стону, ни скрежету, только слышно руческ журчит, да в воздухе утренняя птичка повистывает, на болоте сера утица покрывивает»; «в Илью Муромца влилася силушка» и т.п.). Одно из искажений свидетельствует о визуальном восприятии текста: *свечи салны* превратились в *свечи сильны*.

Сюжет «Ставр Годинович» на Пинеге не был зафиксирован ни А.Д. Григорьевым в 1900 г., ни А.М. Астаховой 27 лет спустя. Два варианта, записанные в 1971 г. студентами МГУ от А. Дрокиной (д. Печгора) и А. Бульгиной (д. Сульца), восходят к печатным источникам — сборникам Н. Бунакова и В. Авенариуса [подробнее см.: 3. С. 38, № 2, 5]. Былина А.П. Порохиной по всем параметрам чрезвычайно близка к тексту ее односельчанки А. Бульгиной, что было отмечено Т.Г. Ивановой [4. С. 419]. В ней нет близких параллелей к пинежским эпическим песням на другие сюжеты; в основу компилятивного произведения положен вариант из сборника Кириши Данилова, дополненный отделными формулами из былин А. Чукова, П. Калинина, В. Щеголенка, А. Фоминой и других сказителей из Прионежья. Текст записали в своей родной деревне студентки Н. Матюшова и Л. Бульгина — однофамилица, а возможно, и родственница А. Бульгиной. Обе свои былины Анастасия Петровна не пела, а сказывала — еще один косвенный признак их книжного происхождения. Исполнительница нередко сбивалась со стихотворного ритма и переходила на прозу. В «Ставре Годиновиче» немало просторечных выражений и других отклонений от традиционного былинного лексикона: «на пиру были бояре, мудрецы, богачи»; «обносочки»; «вокруг пальца обведет»; Ставра «обобрали»; «Василиса во время танца схватила Ставра Годиныча»; князь Владимир «глаза расширил» и др.

Очевидная зависимость былин А.П. Порохиной от печатных источников заставляет критически отнестись к их оценке Л.В. Федоровой, полагавшей, что эти тексты «расширяют представление фольклористов об эпическом репертуаре данного региона» [3. С. 419]. Они представляют научный интерес лишь как факты вторичного бытования русских эпических песен.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1 [Илья Муромец и разбойники]

Во то ули³ во городе во Киеви,
Во то ули во городе во Киеви
Пробегала дорожка широко-окая,
А широкая дорога глубоко-окая.

- 5 Широта той дороги широко-окое,
Широта⁴ той дороги широко-окое —
Да добру коню до черева кониноного,
Да добру коню до черева кониноного,
Добру молодцу до стремени булатного,
10 Добру молодцу до стремени булатного.
Как по этой по дорожке никто ни хаживал,
А никто ни хаживал, ни проезживал,
А никто ни хаживал, ни проезживал,
Проходил-проезжал один стар целовек,
15 Проходил-проезжал один стар целовек,
Один стар целовек — Илья Муромец.
Как напали на старого станицнички,
Как напали на старого разбойнички;
И хотят они старого огра-абити,
20 И хотят они старого огра-абити,
Полишить хотят свету бело-ого,
Полишить хотят свету бело-ого,
Укоротать хотят веку долгого,
Укоротать хотят веку долгого.
25 «Вы не бейте мя, молодые станицнички,
Вы не бейте мя, молодые станицнички.
Уж чё бить вам старого не пошто,
Ише взять вам у старого нецево.
Ише есть у старого кунья шуба,
30 Ише есть у старого кунья шуба,
У куньей шубочки есть три пугови,
У куньей шубочки есть три пугови.
Перва пуговка стоит сто-о рублей,
Перва пуговка стоит сто-о рублей,
35 Друга пуговка — та и тысячу,
Друга пуговка — та и тысячу,
Третьей пуговке да той счету нет,
Третьей пуговке да той счету нет;
Подарить можно не вдовушке,
40 И не вдовушке, не молодушке,
И не вдовушке, не молодушке,
Подарить можно красной девушке.
Ишо есть под стареньким доброй конь,
Ишо есть под стареньким доброй конь,
45 Ишо добрый конь Бурушко,
Ишо Бурушко-косматушко».
И нацал тут старой поворачиватце,
И нацал тут старой поворачиватце,
Стал он Бурушка кнотом позадеивати,
50 Стал он Бурушка кнотом позадеивати.
Уводил он о[т] стрелки калёное,
Уносил он на [от] стрелки калёное,
Уносил он от пули свинцовое,
Уносил он от пули свинцовое.
55 И побил и примял он всё силушку,
Он всю силушку богатырскую,
И побил и примял он всё силушку,
Богатырскую и татарскую⁵.

№ 2 [Алеша Попович и сестра братьев Петровичей]

- Едут сорок калек⁶ со калекою,
Едет сорок полониц⁷ с полоницею,
Они едут все на честной пир.
Они все на пиру напивались,
5 Они все на пиру наедались⁸.
А затем они все порасхаживались⁸.
Один-то брат хвастался золотой казной,
Другой — добрым конем,
А третий хвастался силой богатырской.
10 Тут сидели два брата Петровичи,
По прозванью Бородовичи.
Нечем этим братьям хвастаться,

- Они стали хвастаться родной сестрою:
«Есть у нас сестра, есть Настасьюшка;
15 Её буйные ветры не завеели,
И красное солнышко не запекло,
И люди добрые не выдывали».
Тут сидел Алёша Попович млад,
Он окликнул Бородовичей:
20 «Вы не хвастайтесь родною сестрой;
Я-то видел вашу сестру да Настасьюшку
На босой ноге да без чобота богатого».
Тут Бородовичам за беду палось, за великий грех.
Они брали Алёшу да за частые кудри⁹,
25 Поднимали выше буйной головы,
Хотели ударить о дубовый пол
Да о скамейки белолиповы.
Тут Алёшенька им ответ держал:
«Поезжайте, братаны, к дому сестриному,
30 Зажмите гомулю снега белого,
Киньте гомулю Настеньке во высок терем, —
Тогда о ней всё узнаете».
Выходила Настасья на бело крыльцо,
Говорила таково словцо:
35 «Что же ты, Алёшенька, не в пору пришёл
Да не вовремя?
Скоро братаны с пиру придут со весёлого».
Приходили братаны ко белу крыльцу,
Забрали Настеньку за белые руки,
40 Повезли её в чисто поле суд вершить.
Вдруг услышали колокольный звон, —
Это ехал Алёша Попович.
Он взял Настеньку за белые руки
И повёз к церкви белокаменной,
45 Назвал её своею женой.
«А вас назову братьями»¹⁰.

Примечания

¹ Фольклорный архив Поморского гос. ун-та (ФА ПГУ), а/к № 218.

² В тетради № 149 главный герой только в заглавии и при первом упоминании назван *Ставром Годиновичем*, в дальнейшем последовательно употребляется форма *Годинович*; Василиса именуется только *Микуличной*, а не *Микулишной*. В стихе 44 должно быть *во плен взяли*, а не *в плен*; в стихе 48 — *Василису увели*, а не *увезли*; в стихе 85 — *проиграл вместо и проиграл*; в стихе 98 — *передела женской платье*, а не *передела*.

³ Обычно — *во том ли*.

⁴ В других вариантах — *глубина*.

⁵ Зап. Н.В. Дранниковой в 2005 г. в г. Архангельске от Е.Е. Зориной, 1953 г.р., род. в с. Карпогоры Пинежского р-на Архангельской обл.; ФА ПГУ, ф. 14, видеокассета № 11.

⁶ Должно быть — *калик* (паломников).

⁷ Должно быть — *поляниц* (богатырей; иногда — *женщин-наездниц*).

⁸ Обычно — *порасхвастались*.

⁹ Индивидуальный эпитет. Обычно — *за желты кудри*.

¹⁰ Зап. О.В. Шубной в 2002 г. в д. Усть-Пинега Холмогорского р-на Архангельской обл. от А.Н. Няниковой, 1914, г.р., род. в Часовенском с/с Приморского р-на Архангельской обл.; ФА ПГУ, ф. 25, п. № 364, аудиокассета № 218.

Литература

- Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. СПб., 2002.
- Былины Севера / Подгот. текста и коммент. А.М. Астаховой. Т. 2. М.; Л., 1951.
- Новиков Ю. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.
- Федорова Л.В. Былины в записях Поморского педагогического университета // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 30. СПб., 1999. С. 414—422.

Н.В. ПЕТРОВ

«Когда было добро молодцу время... а стало добру молодцу безвременье...» (некоторые наблюдения над временем в былине)

Особенности изображения времени в средневековых (и в какой-то мере фольклорных) текстах позволили исследователям выделить его характеристики: стабильность, неотделимость от предметной наполненности, его неизменность, неподвижность, эпическую замедленность и продолжительность, его мифологичность, цикличность и ориентированность на прошлое [8]!. При этом рассматриваются такие характеристики эпического времени, как соотношение с исполнительским временем, замкнутость (условность), сюжетность, воспроизводимость, однолинейность (необратимость), замедление и убыстрение и т.д. Перечисленные особенности эпического времени разнохарактерны. Эта неоднородность по большей части обусловлена сочетанием замкнутого «статического» времени эпохи эпических богатырей и событийного биографического времени отдельных персонажей [13].

В данной статье предполагается проанализировать на синхронном срезе лексические и некоторые синтаксические способы выражения темпоральности в русской былине; предметом интереса являются, скорее, не правила представления времени в былине, а немногочисленные исключения и частности. Анализируемый материал — сплошная выборка из былинных текстов (около 500) уральско-сибирской и севернорусской традиций².

«Статическое» время былины

Жанровая особенность былины характеризуется своего рода «исторической достоверностью» описываемой эпохи (сказительский термин *старина*, *старина*³). Значение слова *старина* показывает отнесенность группы текстов данного жанра к так называемому сказительскому прошлому, которое в былинном мире принципиально устойчиво и гармонично.

Указание на определенную эпоху (статическое время) может проявляться в композиционно автономных и практически сюжетно не значимых элементах эпического текста: запевах, зачинах и концовках. Цель этих элементов — представление героя, места и времени изображаемых событий.

Запевы настраивают слушателя на определенное время:

Послушайте, вы, люди добрые,
Я ли вам да *старину*⁴ скажу,
Старину скажу да *стародавнюю* [9. № 42].

Как бы кто ещё сказал нынче про старое,
Про *старое* сказал нам да про *бывалое*,
Про того-де старого да Илью Муромца» [20. Т. 2. № 114]⁵.